



# МОРСКОЙ СПЕЦНАЗ

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

## БОЦМАН МИНЫ ПО-ФЛОТСКИ



Морской спецназ

Сергей Зверев

# **Мины по-флотски**

«ЭКСМО»

2014

## **Зверев С. И.**

Мины по-флотски / С. И. Зверев — «Эксмо», 2014 — (Морской спецназ)

В прибрежных водах Сирии стали подрываться на минах рыболовные и пассажирские суда. Руководители сирийской оппозиции провели расследование и объявили, что мины были произведены на оборонном заводе в Северодвинске. Поднимается шумиха. Мировое сообщество обвиняет Москву во вмешательстве в сирийский конфликт, что крайне негативно сказывается на репутации нашей страны. В Дамаск срочно вылетает группа спецназа под командованием Виталия Саблина по прозвищу Ботман. Бойцам приказано на месте разобраться в ситуации и выяснить, откуда в Средиземном море появились мины российского производства...

# Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	20
Глава 4	26
Конец ознакомительного фрагмента.	35

**Сергей Зверев**  
**Боцман. Мины по-флотски**

© Зверев С., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

## Глава 1

Когда слышишь два слова – «Средиземное море», то сразу же складывается ассоциативная цепочка: курорт, отдых, исторические памятники, отель, шведский стол, все включено, пляж с раздетыми красавицами... и еще множество приятных вещей. Все это на Средиземном море есть в избытке, но не все его берега являются раем на земле. Кое-где может наступить и ад.

Бог создал море и землю, поселил на ней людей, дал им все, что нужно для жизни, разум и свободу выбора. Сам же решил не вмешиваться в земную жизнь. Только от человека стало зависеть, наступит всеобщее счастье или же беды и страдания постигнут людей. Вроде бы все стремится к счастью, но порой пытаются достичь его за счет других.

Не каждому народу удалось создать свое государство, еще меньше сумели сохранить созданное до наших дней, отбиться от захватчиков, пережить внутренние войны. В мире около пяти тысяч народов и лишь менее двухсот государств. Сирийцам повезло, их держава, возникшая еще в древности, сохранилась до наших дней, даже не изменив своего названия. В какие-то века ее жители были более счастливыми, в какие-то – менее.

Сегодняшняя затянувшаяся гражданская война для будущих поколений станет лишь одной страницей в истории Сирии. Но для живущих в наше время поколений она трагическая реальность. Сколько судеб она уже поломала, сколько жизней унесла, скольких людей лишила перспектив!

Средиземноморский портовый город Латакия можно отыскать еще на картах античных времен. Он всегда был оживленным торговым местом, приносившим большие деньги, из него товары доставлялись по всей Сирии. Латакия и сегодня не утратила своего значения. Именно поэтому повстанцы стремились занять город. Несколько раз это им удавалось, но правительственные войска выбивали их оттуда, восстанавливая контроль над стратегически важным портом. При этом ни одна из противоборствующих сторон не разрушала портовую инфраструктуру. Все стремились сохранить ее. Как же без нее получишь оружие, да и нефтеналивные терминалы нужны всем... Поэтому порт не обстреливала артиллерия, авиация не проводила бомбардировок. И вот в очередной раз порт поменял хозяев. В ходе уличных боев повстанцы вынудили войска, подконтрольные Асаду, покинуть Латакию. Кто-то из жителей искренне радовался этому событию, кто-то шепотом проклинал повстанцев. Всегда победа одной стороны конфликта приносит неприятности тем, кто сочувствует другой стороне.

Однако революции, перевороты затрагивают в основном жизнь больших городов, провинция же обычно просто выжидает, чья сторона возьмет верх. Окрестности Латакии издавна заселяли рыбаки. Вот им-то конфликт Асада с повстанцами в самом деле был до лампочки. Кто ни придет к власти, рыбы в море от этого больше не станет. Поэтому жители рыбацких деревень старались держаться от конфликта подальше и предпочитали не затрагивать в разговорах между собой политические темы.

Жизнь рыбака сложна и опасна, а удача в добыче рыбы переменчива. А тут еще и спрос на разную рыбу сильно изменился. Если раньше поймать огромного голубого тунца – а ловят их на удочку с наживкой – считалось огромным счастьем, то теперь спрос на дорогую рыбу упал. Те рыбаки, у кого судна были оборудованы для такого лова, несли убытки. Наиболее расторопные владельцы таких судов поспешили переоборудовать их в сейнеры, приспособленные для лова более востребованной и не такой дорогой рыбы. Во время гражданской войны горожане сильно обеднели, и те, кто раньше мог позволить себе к столу голубого тунца, перешли на пелагиду. Тоже рыба семейства тунцовых, но не такая большая. Если тунец может достигать в длину трех и более метров и весить свыше трехсот килограммов, то пелагида потянет всего на три-четыре килограмма, а в длину окажется не более шестидесяти сантиметров. Мясо ее похоже на

телятину, оно и неудивительно. Ведь у тунцовых сильно развита система кровообращения, и они почти теплокровные, их температура всегда на несколько градусов выше, чем температура воды. Благодаря пелагиде, которая стаями мигрирует из теплого Средиземного моря в более прохладное – Черное, рыбаки древности, так называемые охотники за пелагидой, и открыли для античного мира Кавказ, Крым.

Сейчас был как раз сезон ловли пелагиды. Еще затемно рыбаки деревушки Эль-Рувайда вывели свои сейнеры в море. Несмотря на ранний час, их вышли провожать семьи. Старое суденышко, переоборудованное для ловли кошельковым неводом, отошло от причала последним. Команда была сработанной, многим из рыбаков было уже далеко за сорок. Капитан надеялся на хороший улов. По поверьям, если на борту появился новичок, то обязательно повезет. А новичком был шестнадцатилетний Мехмед Дакка – сын старого рыбака Фераза, которого отец впервые взял с собой на ловлю рыбы.

Над молодым человеком, как и положено, подшучивали умудренные опытом рыбаки. С помощью шуток и приколов проверяли его знания – снастей, судового оборудования. Юноша не обижался. Так положено. Фераз как мог опекал сына. Старался подсказать то, чего он не знал. А Мехмед тоже верил в свою удачу. Ведь если благодаря примете улов окажется хорошим, то вся команда будет обязана ему тем, что он отправился в это плавание.

Солнце медленно поднималось из-за гор. Суда уходили в открытое море. Каждый капитан имел как бы традиционно закрепленное за ним место, и соваться в чужую акваторию было не принято. Полагались не только на интуицию, но и на показания эхолотов. Капитан, сидевший в небольшой рубке, всматривался в экран. Ошибиться не хотелось, ведь за косяк пелагиды можно принять и сайру, и сардин. А стояла такая рыба намного меньше. Годилась, по большому счету, лишь для изготовления консервов. Не терпелось начать лов пораньше. И вот наконец на экране эхолота показался косяк рыбы. Как хотелось капитану узнать заранее, что его ждет! Ведь соседние суда уже начали лов.

– Спустить мотобот, – отдал он приказ.

Управлять мотоботом предстояло Феразу. Естественно, что он взял с собой и сына, чтобы тот учился, от него перенимал опыт. Стрела подъемника подняла небольшой мотобот и спустила на воду. Затарахтел двигатель. Старый рыбак закрепил на корме конец кошелькового невода и неторопливо повел плавсредство. Сеть разматывалась с барабанов. На сейнере заглушили двигатель, чтобы, чего доброго, не намотать снасти на винт. Тогда можно забыть и о лове, и о скором возвращении на берег.

Мотобот шел по широкому кругу. Стена кошелькового невода опускалась в воду на глубину около тридцати метров, окружая косяк рыбы. Действовать приходилось быстро. Спустишь косяк – тот уйдет раньше, чем замкнется круг.

Фераз придерживал штурвал левой рукой, а правой вытирал вспотевший лоб.

– Тут нельзя ошибиться. Заложить слишком большой круг – не сойдутся концы невода. Заложить слишком маленький – можешь не охватить косяк.

Мехмед всматривался в воду, словно мог в ее глубине различить рыбу.

– Отец, а ты уверен, что она там есть? – спросил юноша.

– Я ее чувствую. Каждый настоящий рыбак чувствует рыбу.

– Я тоже научусь этому.

– Не сразу, сынок. Пройдет несколько лет, прежде чем ты приобретешь опыт. У тебя все получится – не волнуйся. Ведь и я рыбак, и твой дед и прадед тоже были рыбаками.

Мотобот завершил круг. Фераз вместе с сыном закрепили концы кошелькового невода. На сейнере уже включили лебедку. Нижний край сети стал затягиваться тросом. Затягивался и верхний. Старый рыбак беззвучно шевелил губами, молился, чтобы Аллах послал команде хороший улов. Тогда можно будет какое-то время прожить семьям рыбаков, ведь теперь из-за войны все стало так дорого.

Сеть медленно поднималась. У юноши вырвался восторженный возглас, тут же подхваченный рыбаками, находящимися на сейнере. В бирюзовой морской воде извивались, били хвостами серебристо-черные пелагиды. Их было так много, что Ферас даже стал сомневаться – хватит ли мощности подъемника, чтобы достать улов. Ведь это было первое плавание переоборудованного сейнера.

Стрела выдержала. Улов вознесся над водой и медленно поплыл к трюмному люку. Рыбаки удерживали его от раскачивания тросами. Когда горловина кошелькового невода оказалась над люком – тросы немного ослабили и рыба серебряным потоком хлынула в недра сейнера. Теперь оставалось только смотать сеть и поспешить к причалам родной деревни, где возвращения рыбаков ожидали семьи и оптовые покупатели рыбы.

Капитан в бинокль следил за коллегами-конкурентами. Один сейнер уже снялся с места и взял курс к берегу, значит, у него тоже заполнен трюм. Терять время на подъем мотобота не стали. Ведь тот, кто придет к причалу первым, сумеет продать рыбу дороже.

Старый сейнер застучал двигателем и пошел по направлению к видневшейся на горизонте цепочке гор. Ферас уступил штурвал сыну, и мотобот, переваливаясь на волнах, пошел параллельным с сейнером курсом. Рыбаки на палубе радостно что-то кричали идущим в мотоботе. Ферас махал им руками. Мол, примета не подвела, новичок принес удачу.

Берег приближался. Уже все рыбацкие суда снялись с места и спешили к причалу. Это была традиция. Гонки рыбаков. Старый сейнер вырвался вперед. Капитан мысленно благодарил механиков, которые провели капитальный ремонт его двигателя. Поработали на совесть. Работал куда лучше, чем раньше.

– Эй, черепахи! – кричал капитан, обходя судно конкурента. – За нами не угонитесь! Мы будем первыми!

– Это еще посмотрим! – кричал ему другой капитан, высунувшийся из рубки. – Полный вперед!

Из трубы сейнера повалил черный дым, и он прибавил ходу. Суда шли «ноздря в ноздю», оставляя за собой вспененную воду. Ярко светило солнце, и рыбаки радовались жизни, ведь сегодня такой удачный день.

Причалы родной деревни маячили уже совсем близко, можно было рассмотреть лица родных и близких, ожидавших возвращения своих кормильцев. Белели рефрижераторы оптовых покупателей.

И тут мирный морской пейзаж сотряс взрыв. Что-то полыхнуло под самым носом старого сейнера, взметнув вверх столп огня и воды. Взрыв оказался таким мощным, что буквально снес носовую часть судна под самую надстройку. Несколько рыбаков взрывной волной сбросило в воду. Капитану не повезло. Осколок стекла вонзился ему в шею. Хлынула кровь, заливая пульты и экран эхолота. Силовая установка продолжала работать. Сейнер быстро шел вперед, набирая в трюм воду. Рыбаки в панике метались по палубе. Сейнер наклонился вперед, и над водой показался бешено вращающийся винт. Отполированный, латунный – он сверкал в лучах солнца. Люди, стоявшие на берегу, кричали, несколько моторок уже отошли от причала.

Быстро сообразив, что судно не спасти, рыбаки стали прыгать в воду. Бороться за жизнь обреченного на гибель сейнера было бессмысленно. В спешке никто даже не успел надеть спасательный жилет. Вода, хлынувшая в трюм, вновь выровняла судно. Бешено вращающийся винт опустился в воду. Неуправляемый сейнер стало разворачивать на месте. Двум рыбакам не повезло. Они не успели отплыть. Их затянуло под корму. Вода окрасилась кровью, и среди пены замелькали рассеченные винтом части тел. Капитан-конкурент уже разворачивал свое судно, чтобы прийти на помощь плававшим среди волн рыбакам.

Мехмед растерялся, но ненадолго. Он развернул мотобот, чтобы подойти к гибнущему судну и забрать товарищей. Ферас оттолкнул его от штурвала.

– Нельзя подходить близко!



– Но там же люди, отец!

– Может затянуть в воронку. Жди здесь.

Юноша помог забраться в мотобот первому подплывшему к ним рыбаку. Тот был оглушен взрывом. Из его ушей текла кровь. Он ничего не слышал. Лишь глупо улыбался, понимая, что спасен. Все рыболовные суда, находившиеся в пределах видимости, спешили на помощь.

Старый сейнер стремительно заполнялся водой. Заглох двигатель. Корма поднялась над волнами. Судно встало вертикально и ушло в пучину. Тех, кто не успел отплыть от него, затащило в воронку. Когда последнего барахтающегося в волнах рыбака подняли на борт, стали подводить итоги. Недосчитались пяти человек вместе с капитаном старого сейнера.

Слезы наворачивались на глаза пожилого Фераза, когда он вел свой мотобот к причалам. Он понимал, что его сын мог бы погибнуть при первом своем лове, не возьми он его с собой на мотобот. Именно поэтому старый рыбак чувствовал себя в душе виноватым перед погибшими товарищами.

Искрились морские волны. Чайки летали над водой. И тут Фераз увидел что-то необыкновенное в воде. Это казалось чудом, каким-то знаком, данным свыше. Одна из чаек спланировала и в буквальном смысле этого слова встала на воду. Она не погрузилась. Как на твердом стояла лапками на поверхности воды. И даже немного прохаживалась. Невероятное заметил и Мехмед.

– Что это такое, отец? Почему она не опускается в воду?

Старый рыбак сбавил скорость. Осторожно стал приближаться к «заколдованной» чайке. Он даже протер слезящиеся глаза, думая, что ему все еще продолжает мерещиться. Птица ходила по воде. Заметив приближение мотобота, она взмахнула крыльями и полетела.

Фераз щурился. Теперь он уже понял, что увиденное не было галлюцинацией. Рыбак разглядел среди волн инородное тело. Мотобот прошел рядом с ним. Фераз смотрел в волны. В них покачивался странный предмет – такого же ярко-голубого цвета, как и морская вода. Его можно было заметить только вблизи. Удалось метров на двадцать – и уже не различишь, так он сливался с морем.

Мехмед на самых малых оборотах обогнул странную находку. Его отец запустил руки в воду и с трудом поднял на борт находку. Это было что-то вроде «летающей тарелки» – пластиковый бирюзовый диск около метра в диаметре. Его поблескивающая заглаженная поверхность шла волнами, имитируя рябь. Старый рыбак осторожно перевернул диск и глянул на его дно. Теперь уже было видно, что это не пришелец с небес, не странное морское существо. В днище виднелись отверстия под винты, прижимавшие крышку из нержавеющей стали, на которой отчетливо было выгравировано: «Сделано в России» и стоял заводской номер.

Мотобот подошел к причалу последним. На берег сбежалась вся деревня. Слышался женский и детский плач. Вдовы причитали возле выловленных тел погибших рыбаков. Раненых грузили в прибывшие из Латакии машины «Скорой помощи». Первым делом Фераз передал в руки медиков контуженного взрывом рыбака, а затем выложил на причал свою странную находку, на которую никто поначалу не обратил внимания. Всех больше занимали раненые и погибшие.

И тут со стороны деревни показался пыльный след. Вскоре к причалу подкатил старый угловатый джип-грузовичок, на платформе которого был установлен крупнокалиберный пулемет. Этакая современная тачанка, какие широко используют повстанцы.

Из-за руля запыленной машины на землю прыгнул рослый бородатый араб в камуфляже. В деревне его неплохо знали. Это был командир повстанческого отряда Ахмад Аль-Салих. Он приехал не один. Через другую дверцу на землю выбрались европейцы – молодые мужчина и женщина с закрепленными на кармашках рубашек пластиковыми бейджиками с надписью «Пресса». Мужчина тут же водрузил на плечо видеокамеру и стал снимать. В основном его

интересовали тела погибших. Женщина стала расспрашивать о случившемся, незаметно записывая рассказы на диктофон.

Ахмад Аль-Салих отыскал деревенского старосту и строго, словно тот был виноват в случившемся, спросил:

– Что здесь произошло?

Тот и сам толком ничего не знал. Лишь видел взрыв и то, как затонул сейнер. Немногим больше могли сказать и спасенные рыбаки.

– Это все правительственные войска, – сказал сквозь зубы Ахмад.

К нему пробрался Фераз.

– Я кое-что выловил, господин Аль-Салих, – тронул он командира за плечо. – Может, это прольет свет?

Ахмад, присев на корточки, всматривался в странную находку. Подобного ему никогда раньше не приходилось видеть. Он пытался прочесть надпись, сделанную кириллицей. Затем махнул рукой тележурналистке.

– Мэм, – произнес он по-английски, – вы не можете прочесть эту надпись?

С западными тележурналистами Ахмад был подчеркнуто вежлив, ведь ему хотелось, чтобы те представили деятельность его отряда в наилучшем виде. Молодая женщина, склонив голову набок, несколько секунд рассматривала надпись.

– Здесь написано, что эта вещь изготовлена в России. По-русски написано.

– В России, – недобро прищурился Ахмад – русских он ненавидел лютой ненавистью, ведь Российская Федерация поддерживала режим Асада и поставляла ему оружие.

Тележурналистка позвала своего коллегу – оператора:

– Джон, подойди сюда. Трупы от нас никуда не убегут. Тут есть кое-что поинтереснее. – Она довольно неуважительно отозвалась о трупах рыбаков, но среди деревенских не было тех, кто хорошо владел бы английским, а командир повстанческого отряда боготворил западных журналистов.

## Глава 2

Ровно через сутки «сладкая парочка» западных тележурналистов уже развернула аппаратуру перед отелем «Сильвер Плаза» в Латакии. Джон Гриффитс уже установил камеру на штативе и посматривал на экранчик видеоискателя – хорошо ли скомпонован кадр. Композиция ему нравилась, сделана по всем правилам операторского искусства. Диагональная, с хорошо проработанным задним планом. Видна и вывеска отеля, и входящие и выходящие из него люди. На краю кадра виднелся джип с грозным крупнокалиберным пулеметом. Возле него прохаживались мрачные бородатые боевики Ахмада, обвешанные оружием с головы до ног. Их в разговорах между собой журналисты иначе как «Аллах-акбарами» не называли.

Кэтрин Браун заканчивала наводить марафет. Подкрасила губы и принялась их разминать, то складывая трубочкой, то растягивая в хищной улыбке – обычное занятие для журналиста, которому вот-вот предстоит выйти в эфир. Выпускающий теленовостей в студии уже был на связи. В эфире в это время прокручивался ролик, снятый в рыбацкой деревне Эль-Рувайда. Кадры были не для слабонервных, поэтому модератор перед ними предупредил, чтобы особо впечатлительные выключили свои телеприемники и отвели детей в другую комнату. Конечно, не каждый способен спокойно созерцать рассеченные корабельным винтом тела.

– Через тридцать секунд вы выходите в эфир, – предупредил журналистку по телефону выпускающий в студии.

Кэтрин встала на обведенный на тротуаре мелком кружок. Место уже было «пристреляно» камерой. Она сделала еще парочку движений губами, чуть приоткрыла рот, чтобы не чмокнуть, когда включится микрофон, напустила на себя озабоченный вид и вперила взгляд чуть повыше камеры.

– Двадцать секунд, пятнадцать... – звучало в наушнике, – вы в эфире!

– Да, слушаю вас, – произнесла Кэтрин.

Теперь в наушнике уже зазвучал голос находившегося в студии ведущего новостного выпуска, а на экране была сама журналистка на фоне отеля «Сильвер Плаза».

– Прошли уже сутки с того момента, как в Эль-Рувайде прозвучал взрыв, унесший жизни пяти ни в чем не повинных рыбаков. Наверное, что-нибудь уже прояснилось? Вам есть что сказать нашим зрителям? – прозвучал вопрос ведущего.

Кэтрин выдержала небольшую паузу, а затем очень сдержанно принялась вещать в микрофон:

– Естественно, кое-какие предварительные выводы уже сделаны. Специалисты провели идентификацию необычного устройства, выловленного рыбаками неподалеку от места крушения сирийского сейнера. Именно в эти минуты в конференц-зале отеля «Сильвер Плаза», возле которого мы стоим, – миссис Браун кивком указала на здание, – начинается пресс-конференция, посвященная этому трагическому событию. Представители сирийских повстанцев обещали расставить все точки над *i*. По предварительным данным, устройство является произведенной в России морской миной самой последней конструкции.

– Можно ли доверять этой информации? – спросил ведущий. – Ведь до этого повстанцы действовали только на суше. Со стороны моря сирийское побережье контролировалось правительством.

– Информация проверенная. Недавно на сторону восставших перешел высокопоставленный флотский чин – адмирал Хусейн Исмаиль, заслуживший на флоте прозвище Синдбад-мореход. Он и озвучит на пресс-конференции выводы международной группы экспертов, проводивших идентификацию. Надеюсь, что к следующему новостному выпуску мы сможем предоставить материал о том, как прошла эта конференция.

– Спасибо, Кэтрин. Поспешите, ведь конференция уже начинается, – прозвучало в наушнике.

Лишь когда голос невидимого выпускающего сообщил Кэтрин, что она вышла из эфира, журналистка позволила себе улыбнуться.

– Ну, как я смотрелась?

Джон Гриффитс пожал плечами.

– Бывало и похуже, – сдержанно произнес он.

– Ты неисправимый хам, – обиделась журналистка, – оператор от бога. Всегда умеешь появляться в нужном месте, в нужное время, да еще и с включенной камерой.

– Не одни же мне комплименты тебе говорить. Кстати, ты отлично контрастировала на фоне бородатых «Аллах-акбаров».

Конференц-зал отеля «Сильвер Плаза» был наполнен до предела. Некоторые даже стояли у стен. Тележурналистам отвели часть помещения, огородив его ленточкой. За ней виднелись штук десять камер. В зале собралась разношерстная публика. Организаторы постарались, чтобы выглядела она попристойнее. Поэтому бородатых религиозных фанатиков с повязками с изречениями из Корана о войне с неверными были лишь единицы. Да и тем не разрешили пронести с собой оружие. С десятков полевых командиров, несколько религиозных авторитетов, а все остальные арабы выглядели почти по-европейски.

Адмирал Хусейн Исмаиль в белоснежном кителе с колодкой наград на груди смотрелся за трибуной монументально. Еще недавно он служил Башару Асаду верой и правдой, но, почуяв, что запахло жареным, переметнулся к повстанцам. Поговаривали, что дело вовсе не в политических убеждениях, а в том, что адмирала уличили в разбазаривании государственных средств. Теперь он любил выставлять себя борцом за свободу и справедливость. Особой пользы в военном плане для восставших от него не было, ведь боевые действия велись только на суше. Но зато можно было демонстрировать его западным спонсорам и журналистам.

Перед Синдбадом-мореходом, как за глаза звали адмирала на флоте, лежала целая куча микрофонов и диктофонов. К пресс-конференции его подготовили основательно. За спиной у адмирала висел проекционный экран, компьютерщики постарались – даже сделали ролик с анимацией крушения сейнера.

Хусейн говорил, шевеля густыми усами а-ля Саддам:

– ...Выловленное рыбаками устройство однозначно идентифицировано как заводское... изготовить подделку в кустарных условиях невозможно... это, несомненно, морская мина российского производства...

На проекционном экране появилось изображение мины. Зал тут же загудел. Никто ничего подобного ранее не видел, ведь мина напоминала летающую тарелку.

– ...Эксперты установили, что это морская мина последнего поколения, которая не имеет аналогов в мире... в России ее промышленное производство началось лишь полтора года тому назад, до этого существовали только опытные экземпляры... мина, как я говорил, уникальна, что видно даже не специалисту, ее практически невозможно обнаружить даже самыми современными устройствами... ее корпус выполнен по технологии «стелс», он рассеивает сигналы от эхолотов и сонаров... плюс к этому – он обладает специальным покрытием, которое на жаргоне специалистов звучит как «покрытие хамелеон»...

На экране пошел ролик. Собравшиеся в конференц-зале увидели действие «покрытия хамелеон». Абсолютно белая мина лежала на столе. Эксперт взял лист голубого картона и поднес его к пластиковому корпусу мины. Тот через десяток секунд приобрел такой же голубой цвет. Затем голубой лист сменился серым. Посерела и мина. Адмирал отключил проекцию и посмотрел в зал.

– ...Это очень коварная морская мина, она меняет цвет вместе с цветом моря... когда небо голубое и вода бирюзовая, она принимает этот цвет... когда же на небе пасмурно и море

становится свинцово-серым – такой же становится и мина, – заявил Синдбад, – эта способность делает мину «невидимой», ее невозможно обнаружить визуально... просто чудо, что рыбак на мотоботе сумел заметить ее... это произошло случайно, он увидел чайку, которая «стояла» на воде... естественно, после случившегося был сделан запрос в Россию, там категорически отвергли предположение, что самые современные морские мины могли быть поставлены Российской Федерацией преступному режиму Асада... мины нового образца вообще не поставлялись иностранным государствам... во всяком случае, российская сторона это утверждает! – Всем своим видом адмирал давал понять публике, что сильно сомневается в искренности русских: мол, конечно же, поставляли, вот только не хотят в этом сознаваться. – В любом случае факт остается фактом – данная мина была произведена в России и каким-то образом попала в наши прибрежные воды... Теперь относительно того, каким именно образом она оказалась у побережья возле рыбацкой деревни Эль-Рувайд... Однозначно мины не были сброшены с вертолета, мы это проверили... мне даже пришлось задействовать свои прежние связи, – доверительно сообщил Хусейн, – и мои друзья, которые все еще служат в правительственных войсках, подтвердили, что полеты в этих квадратах не производились... Самолеты тоже исключаются – мины взорвались бы от удара о воду при их сбрасывании с большой высоты...

– Подводная лодка? – нетерпеливо предположил кто-то из зала.

В самом деле, субмарина идеально подходила бы для установки мин. Загружаешь в торпедный отсек и выдуваешь сжатым воздухом. Но Синдбад был готов ответить и на этот вопрос.

– С подводной лодки их не могли запустить в залив. Конфигурация дна в районе Эль-Рувайды такова, что субмарина подойти близко к берегу не может. А сейчас я представлю вам карту течений. – При помощи пульта адмирал завел изображение на экран и включил световую указку. – Субмарина, даже небольшая, не может пройти дальше этой точки. Все выброшенные мины течение неминуемо унесло бы в море. Их запустили в самом заливе – это абсолютно доказанный факт, – с важным видом произнес он, – и сделать это могли только боевые пловцы. У режима Асада таковых не осталось. Значит, это могла сделать только третья сторона.

– Российская Федерация? – вновь прозвучал нетерпеливый голос из зала: спросила это Кэтрин Браун.

– В конце выступления я обязательно отвечу на все вопросы, а пока постарайтесь меня не перебивать. Но раз уж прозвучало предположение, должен сказать, что я этого не утверждаю. Но, как говорили древние – ищите, кому это выгодно, и вы найдете.

Адмирал закончил свое выступление и принялся отвечать на вопросы журналистов. Он умело обходил подводные камни, ни разу не произнес названия страны, способной наполнить залив смертоносными минами. Но строил фразы так, что сомнений не оставалось. Единственные, кто мог пойти на такую подлость, – это русские.

\* \* \*

В отличие от порта Латакия, находившийся южнее порт Тартус целиком контролировался правительственными войсками. Сирийские власти очень дорожили им. Ведь большинство сухопутных путей в Сирии были блокированы повстанцами. И чтобы доставлять жизненно необходимые грузы, нужно было иметь выход к морю. Именно из Тартуса приходили нефтепродукты, зерно и, конечно же, оружие. Частыми гостями здесь были и корабли Военно-морского флота Российской Федерации. Тартус – единственная военно-морская база РФ на Средиземноморье.

Заход в порт – это не только возможность для экипажа военного корабля сойти на твердую землю. В первую очередь заход в порт делается для того, чтобы пополнить запасы воды, продовольствия, ну и, конечно же, подремонтировать судно. В походе всякое может случиться. Именно для этих целей в Тартусе и стояла плавучая ремонтная мастерская, принадлежавшая



российскому Черноморскому флоту. Ее механики ремонтировали заходившие в порт российские военные корабли. Ну а поскольку времена в Сирии стояли тревожные, то нельзя было исключать и провокаций. Плавучую реммастерскую следовало бдительно охранять. Для этого на ее борту находилась небольшая мобильная группа боевых пловцов, хорошо проверенных в деле.

Слово «боцман» всегда вызывает богатый ассоциативный ряд: суровый мореман с серебряной дудкой на цепочке, «свистать всех наверх!», страх и трепет команды... Капитан-лейтенант спецназа Балтфлота Виталий Саблин, хотя и имел в своей богатой военно-морской родословной нескольких боцманов, никак не соответствовал типу заматеревшего палубного диктатора. Интеллигентный любитель шахмат, начитанный и скромный... Разве похож такой человек на диктатора?

Кличку Боцман он получил еще в юности, будучи нахимовцем: вместе с друзьями проходил плавпрактику на барке, где сразу обратил на себя внимание любовью к порядку и требовательностью к его исполнению. Именно благодаря этим качествам Виталик и попал в элитную спецшколу подводных пловцов на Балтике, именно благодаря этим качествам он завоевал авторитет у командования и товарищей по оружию.

Было у Саблина качество, весьма нечастое среди офицеров спецназа: страстный любитель шахмат, он все свое свободное время тратил на изучение классических шахматных поединков. Достаточно было назвать любую знаковую партию, чтобы Боцман не только провел ее анализ, но и указал на ошибки гроссмейстеров.

Служба в военно-морском спецназе была не из легких. В последние годы боевые пловцы оказались на редкость востребованными, и притом в тех операциях, о которых обычно не сообщают в программах теленовостей. Рутинные тренировки, ежемесячные сдачи нормативов и допусков, бесконечные авиаперелеты, скрытные боевые акции в разных морях и океанах... Вот уже два с половиной года Саблин возглавлял небольшую мобильную группу, куда кроме него самого входил урожденный новороссийский грек Коля Зиганиди, виртуозный специалист по минно-взрывному делу, и петербурженка Катя Сабурова, один из лучших боевых пловцов Балтфлота.

Мобгруппа боевых пловцов напрямую подчинялась контр-адмиралу Федору Ильичу Нагибину, начальнику ГРУ Балтийского флота. Адмирал Нагибин счастливо сочетал уважение начальства и любовь подчиненных. Первые ценили его за обстоятельность и профессионализм, вторые уважали за умение отстаивать интересы флота и демократичность в общении.

Ярко светило полуденное солнце. Казалось, в его горячих лучах плавится даже корабельная краска. Каплей Саблин сидел на корме плавучей рембазы под полотняным навесом и, устроившись на раскладном столике маленькую походную шахматную доску, разыгрывал очередной этюд. Катя Сабурова сидела напротив него с бутылкой минералки в руке.

– И что ты находишь в шахматах? – спросила она своего командира. – По-моему, это пустое времяпрепровождение, бесполезные игры ума. Шахматы – удел ботаников. А ты боевой пловец, и не из последних.

Саблин оторвал взгляд от доски и с улыбкой посмотрел на свою подчиненную. Катю он ценил высоко. Не променял бы и на пару опытных боевых пловцов мужчин. Для спецопераций, которыми в основном и занималась мобильная группа, она была незаменима. Ведь действовать приходилось не только под водой, но и на суше. Сколько уже раз Катя выручала всю группу! Противнику и в голову не приходило, что с виду хрупкая молодая особа владеет боевыми искусствами, стреляет без промаха, как из обычного оружия, так и из подводного.

– Катя, шахматы – это игра королей. Так говорили в древности. Все великие монархи, бывшие, кстати, по совместительству и главнокомандующими своих войск, увлекались ею. Шахматы – это модель мира, модель государства. В них есть король с королевой. Слоны или, как принято говорить в народе, – офицеры. Кони – кавалерия. Ладьи – флот. Правда, иногда их

называют турами, и тогда они воспринимаются как крепости, замки. А также пешки – пехота. Играя в шахматы, правитель, как на штабных учениях, оттачивал стратегию, тактику. То же самое касается и карт. Не зря в них есть короли.

– Ты говоришь так возвышенно, словно сам являешься правителем, – усмехнулась Катя.

– Командир и есть правитель. Правитель – тот, кому приходится самостоятельно принимать окончательное решение, от которого зависят судьбы его подчиненных, – абсолютно серьезно произнес Саблин.

Из-за надстройки появился Коля Зиганиди с журналом в руках.

– Неужели ты его до сих пор не прочитал? – удивился Виталий, поняв, что спокойно разыгрывать этюд ему не дадут.

– Третий раз уже читаю, скоро наизусть выучу. Но ты ж знаешь – я не люблю смотреть фильмы. А библиотеку на плавучей рембазе уже пять лет как заменили видеотекой.

– Еще месяц такой службы, и наша группа окончательно деградирует, – сказал Виталий, закрывая крышкой шахматную доску с неоконченным этюдом. – Вы начинаете расслабляться, как на курорте.

– А здесь и есть курорт, – улыбнулась Катя. – Не понимаю, почему Нагибин послал нас сюда. У повстанцев нет ни своих кораблей, ни тем более боевых пловцов. Исключительно сухопутные силы. Вот мы и бездействуем. Акватория порта надежно огорожена противолодочными сетями. Единственный проход контролируется. Так что опасности можно ждать только с воздуха, а это уже не наша сфера деятельности.

– А ты рвешься в дело? – спросил Саблин.

– Адреналин в крови не вырабатывается, а требуется. А это как наркотик, – подтвердила Сабурова.

Каплей строго посмотрел на подчиненных.

– Скоро вы расслабитесь до того, что будете разгуливать по палубе, надев шорты и майки с пальмами и попугаями. Настоящий боевой пловец не имеет права расслабляться на службе. Завтра же я проведу учения, и только попробуйте мне не подтвердить выполнение строгих нормативов!

– Все-то вы обещаете, товарищ каплей, – вздохнула Катя и глотнула холодной минералки.

Никогда не следует зарекаться по поводу того, что слишком спокойно, можно сглазить. Словно в подтверждение этой народной мудрости на корме появился старпом. Саблин, хоть и не подчинялся ему напрямую, все же решил соблюсти флотский этикет. Поднялся и доложил:

– Товарищ капитан второго ранга, группа занимается обсуждением намеченных на завтрашний день учений.

– Вольно, каплей. – Старпом доверительно взял Саблина под руку и произнес: – От наших сирийских друзей поступило предупреждение. Они засекли проникновение в акваторию порта. Сперва думали, что это дельфин или крупный тунец. Потому и не среагировали вовремя. Но потом все же решили перестраховаться. Они потеряли объект из виду. Думают, это человек. Чем черт не шутит! Своих боевых пловцов у сирийцев нет, есть только водолазы для подводного ремонта судов.

– Понятно, товарищ кавторанг. А то и мои люди без дела засиделись. Чем устраивать завтра учения, лучше проведем их сегодня.

– Вряд ли, конечно, это аквалангист. Но заодно и готовность своих людей проверишь. Сирийцы затаили с предупреждением, уже полчаса прошло. Так что поспеши.

– Есть поспешить!

Снаряжение в мобильной группе держали наготове. И уже через пять минут трое боевых пловцов спустились за борт плавучей реммастерской. Вода, как и всегда бывает в портах, была, как говорится, не первой свежести. Видимость метров двадцать – двадцать пять, не больше.

В задачи Саблина не входил осмотр других кораблей и судов. На данный момент из всех российских плавсредств в порту наблюдалась только одна рембаза. Ее и предстояло осмотреть.

Группа разделилась. Сабурова продвигалась вдоль правого борта. Саблин под килем. Зиганиди плыл слева. Мутная взвесь плясала перед стеклом маски. Посторонних предметов на корпусе не просматривалось. Лишь прикрепившиеся к обшивке моллюски и водоросли.

Саблин ушел немного вперед. Киль кончился. Над каплеем нависали гигантский руль и замершие винты корабля. И тут Виталий заметил цепочку пузырьков, устремившуюся к поверхности из-за нижней части руля. Выдох явно сделали не Сабурова, не Зиганиди – они остались позади. Но выпустить под водой такие пузыри мог только человек. Дельфины выдыхают лишь при всплытии на поверхность.

Саблин задержал дыхание, чтобы не выдать себя выдохом, и отплыл вправо, так чтобы увидеть затаившегося за рулем аквалангиста. Он не ошибся, это был человек. Черный гидрокостюм, желтый баллон за плечами. Рослый широкоплечий мужчина держал в руках предмет, который каплей сперва принял за мину. Незвестный вроде бы собирался установить ее на руль. Виталий заработал ластами. Он приближался к аквалангисту не по прямой траектории, а дугой, чтобы прижать его к рулевой плоскости. Воздуха уже не хватало, пришлось выдохнуть. Незвестный диверсант то ли услышал перезвон пузырьков, то ли увидел их краем глаза. Он обернулся и тут же стал уплывать. Теперь уже маскироваться не имело смысла. Саблин быстро заработал ластами. В его руке уже был нож. Пытающийся оторваться аквалангист понял, что ему это не удастся. Он обернулся и выставил вперед левую руку, в которой зажимал какое-то небольшое устройство.

Саблин взмахнул ножом, чтобы предупредить нападение. Он умело взял противника в захват и вырвал у него загубник. Вверх устремилась череда серебряных пузырьков. Но тут аквалангист сделал то, чего не ожидал Виталий. Каплей почувствовал, как в бок ему сперва что-то кольнуло, будто бы в его тело вошли две короткие иголки, а затем его ударило высоковольтным разрядом. Саблину и в страшном сне не могло присниться, что кто-то сможет воспользоваться под водой электрошокером. Виталия практически парализовало. Но противник и не думал его добивать. Даже не стал вырывать из его рта загубник. Просто оттолкнул от себя обездвиженное тело и быстро заработал ластами, уходя влево и вниз.

Катя подхватила медленно погружающегося Саблина, стала выталкивать его на поверхность. А вот Зиганиди бросился в погоню. Но ему и тут не повезло. У диверсанта оказался припрятан подводный мотоцикл – что-то вроде большой торпеды. Он был закреплен на якорной цепи стоящего неподалеку от ремонтной базы судна. Заработал пропеллер, и подводный мотоцикл стал стремительно удаляться в сторону выхода из порта. Поняв, что противника не догнать и что тот вряд ли собирается возвращаться, Зиганиди стал всплывать.

Саблин, которого Катя уже подняла наверх, вяло шевелил руками и тяжело дышал.

– Ушел на водном мотоцикле, гад, – сообщил на вопросительный взгляд командира Николай. – Вот тебе и курорт... И вообще, что это было, командир?

– По-моему, он собирался поставить мину на руль.

– Смысл-то какой? – спросила Катя. – Рембаза тут будет стоять еще и месяц, и два. Если, конечно, повстанцы не захватят порт. Будет у нее исправно рулевое управление или нет – это ни на что не повлияет.

– Чем это он тебя так? – спросил Зиганиди.

– Кажется, электрошокером.

– Какой, к черту, электрошокер под водой? Соленая вода – это же электролит. Просто замкнет контакты, и все. Да и гидрокостюм хрен разрядом прошибешь.

– У него там иголки были. Он ими гидрокостюм и проколол, – проговорил каплей, все еще чувствуя боль в боку.

– Хитро, – восхитилась чужой изобретательности Сабурова. – Даже я до такого не додумалась бы.

Саблин напряг память.

– По-моему, он ту мину, которую собирался установить, выронил, когда мы с ним схватились. Надо искать. Да и корпус корабля нужно как следует осмотреть. Может, он что-то успел установить? Не мину, так радиомаяк.

Осмотр корпуса рембазы ничего не дал. Кроме моллюсков и водорослей, ничего постороннего на нем не было. Тогда боевые пловцы перешли к обследованию дна. В густом иле найти что-нибудь было сложно. Но помогла наблюдательность Саблина. Почти под самым рулем рембазы он обнаружил в иле небольшое углубление, которое, пройди еще полчаса – затнулось бы так, что следа не осталось бы. Зависнув над дном, стараясь поменьше работать ластами, которые подымали взвесь, Виталий запустил руку в ил и пошарил. Вскоре его пальцы нащупали какую-то коробку...

Саблин, Зиганиди и Сабурова сидели за раскладным столиком. Возвращения диверсанта можно было не опасаться. Сирийские друзья зафиксировали то, как он прошмыгнул на своем подводном мотоцикле через проход, оставленный для кораблей. Воспрепятствовать ему они, естественно, не сумели. Теперь проход был надежно перегорожен сетью.

– Вот тебе и мина, командир, – Катя вертела в руках небольшую любительскую видеокамеру, заключенную в водонепроницаемый футляр для подводных съемок.

– Бред какой-то, – согласился Саблин. – Если не сирийцы, то кто это был?

– Сирийцы бывают разные. Верные Асаду и повстанцы. У них тут сам черт ногу сломит – кто и за что?

Каплей колебался недолго. Заглянул в прозрачный футляр, отщелкнул крышку. Цифры, светившиеся на дисплее, показывали, что записей на ней сделано на пятнадцать минут тридцать секунд.

– Маленькая, – оценил камеру Виталий, – может в кулаке спрятаться. Идеальная штука для шпиона.

– Ну так и посмотрим, что этот шпион наснимал, – предложила Сабурова.

Саблин засомневался и высказал предположение:

– Мы не можем рисковать, в этом вопросе мы не специалисты. Где шпионаж, там и технические прикаты. Вдруг камера выставлена так, что при несанкционированном включении на воспроизведение запись самоуничтожается? Пусть этим займутся технари Нагибина.

На том и порешили.

– Катя, у нас есть немного времени, запакуй камеру, неизвестно еще, каким образом мы ее будем передавать. Через два часа у нас с Нагибиным сеанс связи.

– Есть, – поднялась из-за стола Катя Сабурова.

Не прошло и получаса, как Катя вновь появилась на палубе. На лице у нее было выражение растерянности.

– Что-то не так? – спросил Саблин.

– Нагибин сам на связь вышел, прежде чем я отчет составила. Сказал, что к черту бумажки и что мы сегодня с ним сами увидимся.

– Сегодня? – удивился Виталий. – Ну, раз адмирал так сказал, значит, так оно и будет.

– Если Нагибин появляется собственной персоной за тысячи километров от Родины, то не из любви к путешествиям он это делает, – заявил Зиганиди...

Как и было оговорено, после того как солнце исчезло за горизонтом, со стороны кормы плавучей рембазы спустили надувную моторку. Трое боевых пловцов направились к выходу из порта. Катя управляла плавсредством. Саблин сидел с навигатором в руках. Все, что передал им Нагибин, – это координаты, куда нужно выйти, и время, когда следует там оказаться.

На небе уже зажглись мохнатые южные звезды. Их блеск отражался в небольших волнах. Моторка подпрыгивала. Воздух был напоен ночной свежестью. В воде то и дело вспыхивали огоньки морских рачков.

– Идиллия, – вздохнул Саблин, – даже не верится, что где-то совсем рядом идет война, гибнут люди.

Наконец моторка вышла в заданную точку. Двигатель затих. Был слышен только плеск волн.

– Ну, и где же наш адмирал?

Боевые пловцы всматривались в темноту. Но не было ни ходовых огней, ни шума двигателя. Им казалось, что они одни в море от горизонта до горизонта, скрывавшегося во мраке.

И тут в темноте обозначилось какое-то движение. Прямо на моторку, словно корабль-призрак «Летучий голландец», выплыла парусно-моторная яхта. Она шла только под действием силы ветра, а потому ее приближения и не заметили опытные боевые пловцы. Адмирал Нагибин любил появляться эффектно и неожиданно. Яхта казалась вымершей – никого на палубе. Зажужжали электрические моторы, собирая паруса. На десяток секунд заработал двигатель, и яхта остановилась, покачиваясь на волнах.

– А вот и он, – улыбнулся Саблин.

Надувная моторка на веслах подошла к яхте. Зиганиди привязал лодку и первым поднялся по веревочному трапу на палубу. Конечно же, на яхте имелась небольшая команда. Но никого из матросов видно не было. Дверь, ведущая в надстройку, была гостеприимно распахнута. В коридоре горел мягкий свет.

Вся троица, ступая по мягкому ковру, проследовала в кают-компанию. Нагибин стоял возле иллюминатора, заложив руки за спину.

– Здравия желаю, товарищ контр-адмирал, – доложил Саблин. – Мобильная группа по вашему приказанию...

Нагибин нетерпеливо махнул рукой.

– Обойдемся без формальностей, каплей. Устраивайтесь поудобнее. – Широким жестом он указал на кожаный диван и кресло, расставленные вокруг низкого журнального столика.

Не обошлось и без традиционного чая-кофе. Сам контр-адмирал пил дегтярной крепости черный чай, а вот боевые пловцы предпочли кофе. Доклад о странном подводном диверсанте, увлекающемся видеосъемкой, заинтересовал Нагибина, но не очень сильно. Явно голова у него была занята другим. Не ради найденной камеры для подводных съемок он прибыл к побережью Сирии.

– ...Я передам ее специалистам, а о диверсанте позаботятся другие люди. Для вас у меня есть ответственное задание...

Если уж сам контр-адмирал называл задание ответственным, значит, оно было ответственным вдвойне, и в его выполнении он мог положиться только на лучших из лучших.

– ...для начала, чтобы вы вошли в курс дела, посмотрите вот это. Наши аналитики смонтировали для вас небольшой фильм. – Контр-адмирал щелкнул пультом – на стене кают-компании включился большой плазменный экран.

Молча попивая кофе, Саблин, Сабурова и Зиганиди смотрели на экран, где шла нарезка из новостных выпусков. Наконец «фильм», подготовленный аналитиками ГРУ, закончился.

– Теперь вы в курсе того, что происходит в районе деревни Эль-Рувайда, – сказал контр-адмирал.

– Мина в самом деле российская или же это провокация?

– Сомневаться в заключении экспертов у меня нет оснований. Похоже на то, что мина в самом деле произведена в России. Это одна из последних разработок наших оборонщиков. Никакому провокатору и в голову не пришло бы, что существует такая конструкция. У меня



было мало времени – единственное, что я успел узнать: такая серия мин действительно выпущена. Куда именно была направлена мина с этим номером – устанавливается.

– Какова наша задача, товарищ контр-адмирал? – спросил Саблин.

– Во-первых, – принялся загибать пальцы Федор Ильич, – определить, каким образом мины попадают в акваторию. Во-вторых, установить, кто этим занимается. Налицо – подлая провокация против России. Нас хотят рассорить с сирийским народом. Мол, русские, чтобы дестабилизировать обстановку в районе, контролируемом повстанцами, разбрасывают супер-современные мины, на которых гибнут мирные суда. Сперва подорвался сейнер и погибли пять человек. Но кто знает, где завтра рванет подобная штука? Я уверен, что пропала целая партия мин и каким-то образом оказалась здесь, у сирийского побережья. Завтра на такой mine может подорваться любой корабль, любое судно, и жертв может быть куда больше.

– Всего два пункта... – задумчиво произнес Виталий, – «кто?» и «как?» Но вот «каким образом?» Нам нужно время, чтобы составить план действий, придумать легендирование.

Нагибин улыбнулся краешком губ.

– Об этом я уже позаботился. Вам придется переквалифицироваться в волонтеров – санитаров на плавучем госпитале, принадлежащем Сирии. У нас там есть свой человек. Сирийский военно-морской офицер. Только он один и будет знать о том, что вы засланные казачки. Медицинская помощь нужна всем. Поэтому повстанцы смотрят сквозь пальцы на то, что военный корабль – плавучий госпиталь, обслуживает население, проживающее на территории, которую они контролируют.

– Легендирование неплохое. Лишь бы у нас оставалось время на поиски и разведку.

– Об этом позаботится наш друг, – Нагибин положил на стол фотографию немолодого мужчины в военно-морской форме Сирии, – Сабах Диб. Он к тому же уроженец тех мест. Пользуется у земляков авторитетом, у него неплохая репутация. Полностью от обязанностей волонтеров он вас освободить не сможет, это вызвало бы подозрения. Но постарается загружать вполсилы. Действовать вам предстоит на территории, контролируемой повстанцами. Так что попадаться к ним в руки не стоит. Вот тогда уж точно получится как утверждает их главный военно-морской специалист – адмирал Хусейн Исмаль. Тогда у них к прочим доказательствам добавится неопровержимое – российские боевые пловцы сплавляют морские мины. Вас тут же продемонстрируют мировому сообществу на всех ведущих мировых телеканалах. У повстанцев, кстати, в последнее время появилось много бывших военно-морских офицеров, они переходят к ним пачками. Так что недооценивать их возможности не стоит. Они прекрасно знают акваторию, течения, донный рельеф.

– Задание в самом деле ответственное и сложное, – подтвердил Саблин. – Мы понимаем нашу ответственность. Престиж России поставлен в этой части света на карту. И мы не имеем права дать провокаторам его уронить.

– Кое-что мы можем сделать прямо сейчас. Я собрал информацию. – Нагибин протянул Виталию флешку. – На ней карты морских течений. Ориентируясь по ним, можно понять хотя бы примерно, откуда вынесло мину в залив, где расположена рыбацкая деревня.

## Глава 3

В десяти километрах от порта Латакия в заливе белел пассажирский корабль «Царица Савская». Над кормой развевался флаг сирийских повстанцев. В лучшие времена он обслуживал туристов, принося владельцу немалые деньги. Но лучшие времена уже прошли. Захваченный в порту корабль перешел к командиру отряда боевиков Ахмаду Аль-Салиху, поскольку прежний владелец приходился сыном одному из министров в правительстве Асада. Аль-Салих не стал разгонять команду, он сохранил ее и даже увеличил жалованье.

Казалось бы, зачем может понадобиться прогулочный корабль полевому командиру, воевавшему исключительно на суше? Но Ахмад был сообразительнее многих своих братьев по разуму и оружию. Те довольствовались банальными грабежами, брали заложников. А у Аль-Салиха имелаась и коммерческая жилка. Не зря он происходил из семьи уличного торговца. Отец с самого детства брал его с собой на рынки. Самый дорогой товар – это человеческая жизнь. Люди готовы расстаться с чем угодно, чтобы только сохранить ее. Командир отряда боевиков старался не участвовать в захватах заложников, не занимался работоторговлей, удерживал от этого своих людей, хотя это и были самые популярные занятия среди полевых командиров. Ахмад понимал, что за такие проделки рано или поздно придется отвечать, срока давности по преступлениям против человечности не существует. Гражданская война закончится, новому правительству придется налаживать контакты с цивилизованным миром, и бывшие командиры, занимавшиеся похищением журналистов, иностранных специалистов, бизнесменов, станут разменной монетой в политической торговле с Западом.

Захваченный же корабль давал возможность заняться легальным и даже внешне благородным бизнесом. Сотни тысяч людей стремились покинуть охваченную войной страну. Уходить по суше было небезопасно. Правительственные войска останавливали беженцев, заставляли возвращаться. Боевики же нередко просто грабили. Самым надежным путем бегства являлся морской путь.

Ахмад Аль-Салих лично руководил погрузкой. Он в окружении своих боевиков стоял на берегу, на котором толпились женщины, старики, дети. Матросы с «Царицы Савской» удерживали на линии прибоа шлюпку.

На этот раз Ахмад решил обойтись без прессы. Зачем ему дурная слава? Деньги за перевозку морем в Турцию он брал немалые. Молодая женщина в черных одеждах с тремя маленькими детьми умоляла его:

– Пропустите меня и детей в шлюпку. Моего мужа убили головорезы Асада. У меня нет денег, чтобы заплатить. – Мать плакала, дети жались к ее ногам.

– Твой муж воевал? – спросил Ахмад.

– Он был учителем.

– Я не спрашиваю о профессии, – нетерпеливо перебил несчастную Аль-Салих. – Я спрашиваю, воевал ли он на нашей стороне?

– Даже во время войны кто-то должен учить детей... – молила вдова.

– Или плати, или отойди. Не задерживай погрузку.

Боевики оттеснили женщину. Ахмад уже пересчитывал деньги, полученные от следующих пассажиров.

– Мы всей деревней собирали, – униженно говорила старуха с внуками. – Вы уж простите, что тут не только доллары. Люди давали что у кого было. И наши сирийские фунты, и египетские, и турецкие лиры, и евро. Я хотела поменять мелкие купюры. Но банк не работает...

Аль-Салих считал мелкие купюры, беззвучно шевеля губами, морщил лоб, приводя валюту разных стран к долларовому эквиваленту.

– Не извиняйся передо мной, – сказал он наконец старухе. – Деньги – всегда деньги. Ты могла бы принести даже монеты. – Помогите ей усадить детей в шлюпку.

Тем временем вдова учителя попросила, чтобы ее окружили плотным кольцом другие женщины. Она села на корточки и достала из нижнего белья небольшой полотняный узелок, развязала его. На солнце блеснули золотые украшения.

– Пропустите, – стала просить она толпившихся возле Ахмада людей.

– Твоя очередь уже прошла. Занимай снова, – шикали на нее. – На всех мест не хватит.

Аль-Салих заметил назревающий конфликт среди беженцев, увидел вдову и крикнул:

– Пропустите ее. Так будет справедливо.

В глазах населения полевой командир стремился поддерживать имидж строгого, но справедливого.

– Нашла деньги? А говорила, что их у тебя нет. Обмануть хотела? – прищурившись, спросил он у женщины с тремя маленькими детьми.

– Я не обманывала. Вы спрашивали про деньги. А у меня есть золото, возьмите.

– Пропустите ее. Можешь взять с собой только один узел. Остальное оставь. И другим на корабле нужны места.

Вдова уже не спорила, боялась упустить свой шанс, подхватила самый большой из своих узлов и повела детей.

Вскоре шлюпка наполнилась. Матросы столкнули ее на воду, затарахтел двигатель. Люди, стоявшие на берегу, провожали счастливых завистливыми взглядами. Для тех, кто плыл к «Царице Савской», война уже, считай, закончилась.

В руке у Ахмада затрещала рация.

– Эта шлюпка последняя, – сообщил капитан корабля. – Мы и так перегружены.

– Примешь на борт еще три шлюпки, – распорядился Аль-Салих.

– Но...

– Я так сказал. Не забывай, кто платит тебе деньги.

– Хорошо, – упавшим голосом ответил капитан. – Три, и не больше.

Погрузка пассажиров продолжалась. И тут Ахмад заметил выплывшую из-за мыса небольшую моторную яхту. Тут же вдавил кнопку рации, связался с капитаном.

– Что там за яхта крутится рядом с вами? Сейчас же передай им, чтобы проваливали подальше.

– На ней какой-то европеец с камерой. Снимает нас, – прозвучало в ответ.

– Вот же шайтан, вездесущий Грифитс! И пронюхал же о погрузке беженцев, – пробурчал Ахмад и дал отбой в рацию. – Ладно, пусть плавает рядом с вами. Вреда от него никакого.

Аль-Салих рассудил здраво. Оператор снимет «Царицу Савскую» с беженцами. Было бы хуже, если бы Грифитс появился со стороны суши. Вот тогда бы сюжет получил другую окраску: полевой командир наживается на беде соотечественников.

Полученные деньги еле уместились в пухлом саквояже. Ахмад довольно улыбался. Те, кому не хватило места на корабле, не спешили расходиться, топтались с мрачными лицами на берегу, завидуя счастливым, отправлявшимся в Турцию. Никто не был уверен в том, что эта местность останется за повстанцами. В Латакию вполне могли нагрянуть и правительственные войска. Повстанцы, скорее всего, не стали бы вступать с ними в затяжной бой. Унесли бы на своих «тачанках», а куда денешься с детьми, со стариками, с домашним скарбом?

На верхней палубе «Царицы Савской» не оставалось свободного места. Матросы с трудом пробирались среди беженцев, тем приходилось вставать, чтобы пропустить членов команды. До отказа были забиты и каюты, и коридоры. Беженцы размещались даже в машинном отделении. Перегруженный сверх всякой нормы корабль уходил к горизонту. Небольшая моторная яхта шла параллельным с ним курсом. Джон стоял на носу и снимал, держа камеру на плече. Кэтрин вращала штурвал.

– А теперь зайдем вперед, – крикнул ей Джон. – Отличный план получится.

Журналистка прибавила скорости. Яхта ушла вперед, развернулась и закачалась на волнах. Грифитс снимал приближающийся корабль, при этом вжимал кнопку трансфокатора, приближая к себе, укрупняя изображение. Так было эффектно – отличный «выход» из плана.

На верхней палубе, несмотря на тесноту, беженцы пребывали в эйфории. Они еще не успели «зажариться» на солнце, устать. У всех было приподнятое настроение. Люди сумели вырваться из ада. Пусть впереди их ждали не отели, а палатки в лагерях беженцев. Но это была уже мирная жизнь, когда ты знаешь, что никто не ворвется с оружием в руках в твоё жилище, не убьёт, не изнасилует. Матери начинали распаковывать еду, чтобы покормить детей.

«Царица Савская», набирая скорость, резала бирюзовые волны Средиземного моря. Капитан, стоя на мостике, напряженно всматривался в горизонт. Пока не вышли из территориальных вод Сирии, следовало опасаться встречи с военными кораблями, беженцев могли развернуть обратно. Но горизонт оставался чист.

И тут прогремел взрыв. «Царица Савская» вздрогнула. У носа корабля поднялся столб воды и огня. Капитан корабля еле удержался на мостике, если бы он не отбросил бинокль и не ухватился за поручни двумя руками, то его сбросило бы вниз. Тут же раздались испуганные женские крики, заплакали дети. На беженцев, находившихся в трюме, хлынула из пробоины вода. Люди рванулись к трапу, ведущему на вторую палубу. Возникла давка. Беженцы падали, по ним топтались напиравшие сзади. Несколько седобородых стариков пытались взять ситуацию под контроль, кричали:

– Все назад, без паники!

Но словами панику было не остановить. Все стремились к спасительному выходу. Лезшие по телам чувствовали, как под их ногами трещат кости упавших. В трюме было уже воды по грудь взрослому. Матери поднимали детей на руки. Крики и плач заглушали даже шум воды, стремительным потоком врывавшейся в пробоину. Корабль кренился на правый борт. Люди рвали друг у друга из рук спасательные жилеты. Но даже те, кому посчастливилось разжиться несколькими, могли их надеть только на себя. Детских жилетов на борту не было вовсе.

Капитан не мог пробиться через пребывавшую в панике толпу к шлюпке. Он выхватил пистолет и выстрелил в воздух.

– Все назад, в шлюпки садятся только дети и их матери!

Матросы оттаскивали обезумевших, рвавшихся в уже переполненную шлюпку.

– Спускайте на воду! – кричал капитан.

Канаты скрипели на полиспастах, рвались из рук. Из-за сильного наклона «Царицы Савской» нос шлюпки с детьми и женщинами опустился, черпанул воду и посуда перевернулась. На второй заблокированной палубе матери торопливо надевали на детей спасательные жилеты, обвязывали их, чтобы не выскользнули, и бросали детей за борт, затем прыгали сами. Из четырех шлюпок только две были спущены удачно. Но и это не спасало тех, кто в них оказался. Барахтающиеся в воде люди цеплялись за борта, забирались внутрь. Шлюпки раскачивались, черпали воду. Одна из женщин вырвала весло из рук матроса и стала бить им по головам тех, кто пытался уцепиться за борт. Один из несчастных увернулся от удара и схватил весло, державшая его в руках женщина пошатнулась и полетела в воду.

«Царица Савская» стремительно кренилась, люди, оставшиеся на верхней палубе, посыпались в воду. Радист продолжал посылать в эфир сигнал бедствия. Корабль сперва лег на борт, а потом перевернулся килем вверх, обрушившись палубой на барахтающихся. Еще с минуту «Царица Савская» покачивалась на волнах, потом встала вертикально и ушла под воду, унося с собой на дно тех, кто так и не сумел выбраться из трюма.

Между плававших, вызывающих о помощи, неторопливо рассекала воду небольшая моторная яхта, на носу которой стоял Джон с камерой и неотрывно снимал разыгравшуюся в открытом море трагедию. Мусульманские женщины в своём большинстве не научены плавать,

ведь им нельзя показывать свое тело на публике. Если они и выезжают на пляж с семьей, то сидят одетыми с ног до головы. Какое уж тут купание? Как научишься плавать? Даже теперь, оказавшись в воде, они боялись избавиться от сковывающих движения одеяний. Головы в хиджабах одна за другой исчезали с поверхности воды. Те же, кому посчастливилось оказаться в воде с надетым спасательным жилетом, еще держались. Они тянули к яхте своих маленьких детей. Молили забрать на борт хотя бы малышей.

Кэтрин не выдержала, бросила штурвал, перегнулась через борт, схватила из воды грудного ребенка, завернутого в оранжевый жилет. Но тот уже был мертв – наглотался воды. Журналистка на несколько секунд оцепенела, затем бережно положила мертвое тельце на настил, метнулась к другому борту, приняла у женщины плачущего мальчишку лет четырех и помогла его матери забраться на яхту. Теперь они уже спасали терпящих бедствие в четыре руки.

А Гриффитс продолжал бесстрастно снимать происходящее. Он снял крупным планом и то, как мать посадила к его ногам маленькую дочку, а сама ушла под воду. Оператор и пальцем не пошевелил, чтобы ей помочь, лишь крикнул журналистке:

– Кэтрин, забери девочку, она мне снимать мешает!

Бедняжка вцепилась Джону в ногу, боясь снова оказаться в воде. Журналистка еле сумела разжать ее ручонки, подняла и усадила на настил.

Наконец Джон выключил камеру. Обернулся, посмотрел на спасенных. Их было много, яхта опустилась ниже ватерлинии.

– Кэтрин, всех мы не спасем, только сами потонем. Надо уходить. – Он бросил в воду два спасательных круга, бывших на борту, следом полетел и надувной матрас, на котором еще час тому назад загорала миссис Браун.

Гриффитс взялся за штурвал и, лавируя среди барахтающихся в воде, молящих спасти их, повел яхту в сторону берега. Кэтрин пробралась к нему, встала рядом. Руки ее дрожали. Джон одной рукой продолжал держать штурвал, другой достал из карманчика жилета плоскую фляжку, протянул журналистке.

– Выпей, иначе с тобой случится истерика.

Женщина открутила пробку, металлическое горлышко мелко застучало о зубы, затем растерянно посмотрела на оператора.

– Извини, я, кажется, все выпила.

– Ничего страшного, в каюте, в баре, стоит бутылка виски. Надеюсь, наши пассажиры ее не выпьют.

– А ты настоящий ас, – тихо произнесла Кэтрин. – Камеру из рук не выпустил. Все снял. Это же такой сюжет! Эксклюзивные съемки.

– Я же профессионал. Хотя, признаться, сердце дрогнуло, когда девчушка за мою ногу уцепилась.

Кэтрин после спиртного порозовела, в глазах появился блеск.

– Слушай... – произнесла она, заглядывая оператору в глаза.

– Я слушаю, – Джон достал из кармана темные очки и надел их.

– Ты словно знал, что произойдет крушение. Мы же с тобой сперва хотели снимать с суши. Откуда ты мог знать?

– У меня звериное чутье на чужое несчастье. Без этого в нашей профессии никак. Интуиция. Можешь верить, можешь – нет. Но мне сегодня сон приснился. Вещий.

– Какой? Ты мне ничего о нем не говорил.

– Боялся спугнуть удачу. – Лицо оператора оставалось непроницаемым. – Приснилось мне, будто Христос по воде идет как по земле. А я его снимаю.

– Ну и сны у тебя!



\* \* \*

На многих военных заводах руководителя предприятия называют не директором, а командиром. Как в военной части или на корабле.

Кабинет командира номерного завода в Северодвинске был словно декорация к кошмарному сну моремана. В просторном помещении вдоль стены, отгороженные плюшевым шнуром, растянутым между начищенными латунными стойками, рядом стояли образцы всех морских мин и глубинных бомб, которые этот завод выпускал за все годы своего существования. Имелся даже один древний – «рогатый» экземпляр. Из стального шара во все стороны торчали трубки-отростки, на концах которых располагались свинцовые колпачки. Конечно же, взрывчатки в этих минах не было. Командирский кабинет украшали пустые корпуса самых настоящих мин.

Среди всего модельного ряда выделялась своим изяществом пластмассовая мина, напоминающая летающую тарелку.

Контр-адмирал Нагибин стоял напротив нее и любовался изящностью форм. Казалось, что это не смертоносное оружие, а дизайнерская разработка – некая абстрактная, авангардная скульптура. Подобное впечатление только усиливали свойства покрытия «хамелеон». Мина казалась живой, она уже понемногу стала «впитывать» в себя черный цвет штатского костюма Федора Ильича.

– Забавная у вас коллекция, товарищ каперанг, – проговорил Нагибин.

Командир номерного завода хмыкнул.

– Это мой предшественник их тут поставил. Я только последний экземпляр к коллекции добавил. Тот самый, что вас интересует, товарищ контр-адмирал. Разрешите доложить?

– Докладывайте, я слушаю. – Нагибин погладил пластиковый корпус, тот был теплым на ощупь, словно живое, теплокровное существо.

– Мина с указанным номером была произведена на нашем заводе... – Каперанг заглянул в бумаги и назвал дату. – Если потребуется, я могу дать вам пофамильный список смены, выпустившей ее.

– Это лишнее. Какова была ее дальнейшая судьба? Вот что меня интересует в первую очередь.

– У партии мин этой серии странная судьба, возможно, именно это обстоятельство и привело вас на наш завод.

Нагибин заложил руки за спину и принялся ходить по кабинету. Благо свободного места в нем хватало. А командир завода принялся докладывать дальше:

– Партия мин этой серии в количестве семисот пятидесяти штук изначально предназначалась для поставки во Владивосток.

– Об этом было известно с самого начала? – уточнил Нагибин.

– Да, товарищ контр-адмирал.

– Какой гриф носила информация?

– «Секретно», как и все, что касается сроков наших поставок. Гриф «Совершенно секретно» относится лишь к технологиям производства.

– Понятно. Значит, вероятность утечки информации по дате отправки груза повышается на порядок. Каким путем доставлялся груз?

– Учитывая его взрывоопасность, решено было отказаться от железной дороги и транспортировать его морем. Что на то время представлялось идеальным.

– И это тоже было известно заранее?

– Естественно. Для транспортировки использовались морская баржа и портовой буксир. В целях безопасности буксир не толкал баржу впереди себя, а тянул за собой на тросах. Так мы уменьшали повреждение буксира в случае взрыва. Мины транспортировались отдельно от

взрывателей. Мины в кормовой части баржи, взрыватели в носовой. Весь груз надежно найтован. Путь был пройден по графику. ЧП случилось уже в самом конце – в Японском море. Ночью разыгрался сильный шторм. Буксировочные тросы лопнули. Буксир и баржу разнесло волнами. Погодные условия не позволяли искать ее трое суток. Из-за низкой облачности и тумана бессильной оказались и авиация, и спутниковый мониторинг. Когда прояснилось, для поиска были задействованы самолеты береговой авиации. Баржа вместе с грузом исчезла.

– Исчезла?

– Ее обнаружили лишь через месяц. Баржа вместе с грузом затонула в нейтральных водах. Лежала на глубине тридцати метров. Меня срочно вызвали во Владивосток в качестве консультанта. Я провел исследование на предмет возможности подъема груза. И принял решение не рисковать. Мины могли сдетонировать при подъеме – один из ящиков с взрывателями оказался разбит. Чтобы исключить попадание мин в руки других стран, затопленную баржу забросали глубинными бомбами. Судя по оценочной мощности взрыва, груз был уничтожен. Вот и все, что я могу вам сказать, товарищ контр-адмирал. Все сделано согласно инструкциям, предписаниям и здравому смыслу.

– Выходит, груз находился практически без присмотра целый месяц? – Нагибин задал вопрос, ответ на который был очевиден.

Командир номерного завода развел руками.

– И вы не можете с точностью сказать, все ли мины были на затопленной барже или часть их исчезла?

– Такая возможность маловероятна. Тогда никто не допускал подобного.

– Баржа даже не была оборудована копеечным радиомаяком?

– После ЧП все баржи с важным грузом оснащают средствами обнаружения. Даже инструкция теперь изменена. Но тогда...

– Ясно. Я не хочу обвинять вас в халатности. Вы ни в чем не виноваты. С транспортировкой и крушением для меня все ясно. Теперь вопрос другого плана. Морские мины легко разбросать, но ликвидировать потом намного сложнее. Предусмотрена ли конструктивная возможность дезактивировать или подорвать их дистанционно?

– У этой модели мин есть три режима активации. Первый – автономный, когда активированную мину уже невозможно дистанционно вернуть в безопасное состояние. Второй режим предусматривает дистанционную дезактивацию посредством кодового радиосигнала. Третий – при передаче кодового сигнала мина срабатывает, самоуничтожается. В смысле взрывается.

– В автономном режиме на нее никак нельзя подействовать на расстоянии?

– На то он и автономный, – напомнил каперанг.

– И все же я попрошу вас... Мина – это всего лишь кусок пластмассы, напичканный взрывчаткой и электроникой. Для каждого яда можно найти противоядие. Люди, создавшие ее, могут отыскать слабые места. Я не специалист, но коды можно взломать. Еще каким-то образом вывести электронику из строя. Не знаю как, но считаю, что это возможно.

– Мы проводили испытания. Специально создавали защиту от постороннего вмешательства...

– И все же озадачьте конструкторов. Это очень важно. То, что мины оказались в чужих руках, уже факт. На них подрываются гражданские суда, гибнут люди. Со своей стороны ГРУ делает все, чтобы отыскать и нейтрализовать тех, кто затеял грязную, кровавую игру. Но и ваша помощь не будет лишней.

– Хорошо, я озадачу своих людей, – пообещал каперанг.

## Глава 4

Трепетал на ветру флаг с красным крестом и красным полумесяцем. Плавающий госпиталь под флагом этой международной организации стоял на рейде южнее порта Лагакция напротив нейтральной территории, разделявшей правительственные войска и повстанцев.

Внедрение Саблина, Сабуровой и Зиганиди в персонал плавающего госпиталя прошло успешно, никто из многонационального коллектива медиков ничего не заподозрил. Российские боевые пловцы были легендированы как латышские волонтеры-санитары. Так что им даже не пришлось менять язык общения между собой. В Латвии много граждан русской национальности.

Сирийский военно-морской офицер, медик по образованию и практике Сабах Диб от имени властей контролировал нейтральный статус судна. Медиков Красного Креста и Красного Полумесяца повстанцы старались не трогать, разве что покуситься на врача могли самые отможенные, но за это тут же поплатились бы. Их бы призвали к ответу другие полевые команды. Практически вся структура здравоохранения на территории, которую контролировали повстанцы, оказалась разрушена, а кому хочется оставаться без элементарной медицинской помощи. Один-единственный обстрел плавающего госпиталя или взятие медиков в заложники – и судно уйдет.

Русские боевые пловцы особо не завязывали знакомств с другими медиками. Отношения у них с ними были чисто рабочие. Открытием для Саблина стало и то, что западные тележурналисты Джон и Кэтрин «свили себе гнездо» именно здесь, на плавающем госпитале. Хотя, по большому счету, странного в этом было мало. Место безопасное.

Сабах Диб не дал новоиспеченным «латышам» долго скучать на борту плавающего госпиталя. Уже на второй день с утра он использовал благоприятный случай. Поступило сообщение, что в одной из деревень в предгорьях находится больной с подозрением на аппендицит, и его нужно доставить на борт для операции. В компетенцию Сабаха входило подбирать санитаров для транспортировки. Вот его выбор якобы случайно и пал на новичков. Из персонала госпиталя никто особо и не рвался попасть на сушу. Места беспокойные. По ошибке можно под обстрел угодить.

За отплытием группы внимательно следила Кэтрин Браун. Благо ее приятеля не было на борту. А то еще мог увязаться следом на своей небольшой, взятой в аренду яхте. Но Джон еще на рассвете уплыл.

Надувная моторка прыгала по волнам. Саблин приподнял брезент, под ним лежали акваланг, гидрокостюм, подводное ружье.

– Баллоны заправлены, – прокомментировал Сабах. – Двое из вас мне понадобятся для транспортировки больного. В рыбацкой деревушке находится наш микроавтобус. Пока мы съездим в предгорья, третий из вас вполне может обследовать побережье со стороны моря. В его распоряжении будет минимум два часа. Большого я для вас не могу сделать. Потом, думаю, мне удастся вам предоставить больше свободы. К новичкам у нас в госпитале присматриваются. Поблажки могут вызвать ненужные подозрения. Вот потом, когда внимание к вам ослабнет, я сумею даже на несколько дней оставить вас на берегу.

– Спасибо и за это. Надеюсь, что хватит и одного дня – сегодняшнего, – проговорил каплей Саблин.

– Откуда такая уверенность? – поинтересовалась Катя.

– Пока вы за меня работали в госпитале, я внимательно изучил карту течений, предоставленную нам Федором Ильичом.

Виталий открыл ноутбук в герметическом корпусе. Засветился экран. Карта была сделана «живой» – стрелочки, указывающие течения, двигались. Катя и Зиганиди следили за манипуляциями своего командира, тот продолжал объяснять ход своих мыслей.

– Вот точка, в которой подорвался сейнер. – Саблин поставил на электронной морской карте маркер. – А вот точка, где подорвался на морской мине корабль «Царица Савская». На экране появился еще один маркер. Теперь дело за малым: определить, откуда могли в эти точки попасть мины.

– Их спустили с корабля, – высказал предположение Зиганиди. – Для этого годится любое плавсредство, даже моторка. Тут множество суденышек, за всеми не уследишь.

– Хорошо, сделаем такое предположение, – согласился Саблин. – Скорее всего, мины разбрасывает кто-то чужой, вряд ли этим станет заниматься местный. В таком случае он подходит к заливу со стороны открытого моря, – Виталий вел курсором по карте. – Поставим себя на место диверсанта. Дно на мелководье ему тут мало известно. Да и подходить близко рискованно. Чужака запомнят и заподозрят в первую очередь. Поэтому он постарается сбросить мины где-то здесь.

Курсор замер. Катя и Николай кивнули, мол, они согласны с такими выводами.

– Это не только карта течений, это еще и компьютерный симулятор, – объяснил Виталий. – Так что смело сбрасываем мины. – На карте возникли несколько пульсирующих точек. – И ускоряем время.

В верхнем правом углу экрана появилась табличка, на ней запрыгали цифры. Пульсирующие точки стали удаляться одна от другой.

– Итак, что мы имеем? – подытожил Боцман. – На симуляторе прошло уже три дня. Мины плавают, как фрикадельки в супе, в горловине залива. Ни одна из них не достигла точек, где подорвались сейнер и «Царица Савская».

– Мина сконструирована так, что самостоятельно может менять глубину погружения и всплывать, когда рядом с ней проходит судно. Реагирует на звук силовой установки, – напомнил Николай. – Придется учитывать и донные течения.

– Здоровое замечание, – согласился Виталий.

Сабах Диб демонстративно делал вид, что обсуждение его не касается. Вроде как и не слушал разговор. Но куда же ты денешься в тесной моторке!

Саблин изменил для симулятора условия, задал глубину погружения мин. Но эффект был прежним. Ни одна из пульсирующих точек не достигла заданных координат, где произошли кораблекрушения. Правда, теперь мины уже не плавали как фрикадельки в супе, их донным течением снесло в открытое море.

– Есть еще предложения по поводу способа забрасывания мин? – спросил Виталий.

Сабурова прикусила губу, затем предположила:

– Доставкой мин в залив занимается аквалангист. Он уходит под воду с того самого плавсредства и затем приближается к берегу.

– Я уже отыграл этот вариант. Можете поверить мне на слово, – ухмыльнулся Боцман. – Мины сносит в открытое море. Ни одна из них не попадает в заданную точку.

– Если ты знаешь ответ, то почему сразу его не назовешь? – спросил Зиганиди.

– В том-то и дело, что симулятор окончательного ответа не дает, – признался Виталий. – Все мимо. Однозначно лишь то, что мины несет от самого берега.

– Их сплавляют по реке? – догадался Николай. – А что? Это удобно и безопасно для диверсантов. Сидишь себе в предгорьях и одну за одной по ночам спускаешь в речку мины. Вода сама вынесет их в залив. – Зиганиди даже не удержался и указал на синюю жилку речки, стекающей с предгорий в море.

– Проверял. Мины движутся в правильном направлении, но все равно в расчетное место не выходят.

– Симулятор врет? – высказала догадку Катя.  
– В других случаях он дает правильный ответ, – проговорил Саблин.  
– А есть у него, как бы это сказать... – задумалась Сабурова, подбирая нужное слово, – режим обратного отсчета?  
– Что ты имеешь в виду? – прищурился Боцман.  
– Чтобы время на нем пошло вспять.  
У Виталия прояснилось лицо.  
– Молодец, Катя. Я об этом и не подумал. Он сбросил курсором по мине в точки, где подорвались сейнер и «Царица Савская». Затем вручную стал отгонять время на таймере.  
Катя и Николай, затаив дыхание, следили за движением пульсирующих точек. Они описывали замысловатую траекторию, но уверенно приближались к берегу. В итоге они сошлись и уперлись в береговую линию в пустынной местности неподалеку от рыбацкой деревни.  
– Есть! – радостно выкрикнула Катя. – Раз они оказались в одно время в одной точке, то тут и думать уже не надо. Источник зла находится в этом месте. Отсюда их и сплавляют.  
– Как это ты себе представляешь? – склонив голову к плечу, спросил Виталий. – Приносят на пляж и бросают в воду? Да их тут же волны назад прибьют.  
– Не знаю как, но точно здесь, – не сдавалась Сабурова. – Твое сегодняшнее погружение многое прояснит.  
– Мне не терпится уйти под воду.  
Виталий тронул Сабаха за плечо, тот снова сделал вид, что ничего не слышал.  
– Идем в эту точку. – Боцман показал на электронной карте. – Оттуда до деревни недалеко. Вы до машины пешком дойдете...  
Сабах Диб заглушил двигатель. Лодка мягко уткнулась носом в песок. Пейзаж был удивительный. Обычно пляж – это или галька со скалами, или песчаная равнина. Но здесь песок сочетался со скалами. Каменные громады торчали прямо из мелкого-мелкого песка. Такого, что хоть сразу в песочные часы засыпай.  
– Мы пошли. Жди нас на этом самом месте.  
Катя Сабурова, Николай Зиганиди и Сабах Диб выбрались на берег.  
– Удачи! – Катя столкнула моторку.  
– Приятно сознавать, что и вы сделаете доброе дело, – улыбнулся Боцман. – Так что удачи и вам.

\* \* \*

Если ты находился у вершин власти, пользовался всеми ее благами, а затем изменил правителю, переметнулся к его недругам, то будь готов к тому, что станешь личным врагом диктатора со всеми вытекающими последствиями. Тебе не будет покоя ни днем ни ночью. Каждый твой шаг по этой земле может стать последним.

Эту нехитрую истину знал и адмирал Хусейн Исмаиль, ни на минуту не забывал о ней. С одной стороны, он сильно поправил свои дела, перейдя на сторону повстанцев. Уцелели вклады в западных банках, никто не собирался больше блокировать его счета. Представленный в выгодном свете прессой, он сделался в глазах обывателей самым высокопоставленным военным, перешедшим на другую сторону конфликта – выступившим против Асада. Но, с другой стороны, Исмаиль превратился в адмирала без флота, в опереточного героя. И это сильно било по его самолюбию. Он не являлся больше самостоятельным игроком, его просто использовали в своих интересах. При этом опасность быть уничтоженным оставалась реальной как никогда.

Синдбад-мореход предпринял грамотные меры по обеспечению собственной безопасности. Не ночевал в одном месте две ночи подряд. При этом до самого вечера и сам не знал,



где именно проведет ночь, принимал окончательное решение в последний момент. Так ему удалось избежать нескольких покушений, организованных спецслужбами Асада.

Однако если ты публичная фигура, то прятаться нелегко. Ты вынужден участвовать в пресс-конференциях, о проведении которых оповещают заранее. Ты появляешься в прямом телеэфире. Короче говоря, противник временами осведомлен о твоём местонахождении с точностью до метра. Единственное, что до поры до времени спасало адмирала Исмаиля, – рядом с ним находились журналисты. Не станешь же и их убивать за компанию, чтобы уничтожить предателя-беглеца. Силы, верные Асаду, старались не трогать западных журналистов, ведь любой инцидент тут же раздувался до вселенских масштабов. Не трогали их и повстанцы, ведь западные журналисты писали об их подвигах в позитивном ключе.

После пресс-конференции в отеле «Сильвер Плаза» перед Хусейном со всей серьезностью встал вопрос: куда направиться на этот раз? Самым приемлемым вариантом адмиралу показался следующий: затаиться в городе. В Латакии у него имелись три резиденции. Одна – в бывших флотских казармах. Вторая – в деловом центре портового города. И третья – вилла на берегу моря, расположенная в живописной загородной местности, в полутора десятках километров от городской черты. Третий вариант был самым соблазнительным. Шикарная вилла, где на полном адмиральском обеспечении в последние дни жила молодая итальянка, готовая в любой момент исполнить любой его сексуальный каприз. Однако Хусейн Исмаиль выбрал, как ему казалось, самый надежный в смысле безопасности вариант – флотские казармы. Он и так уже достаточно сегодня засветился с телевизионщиками, а вилла с любовницей не являлась секретом для его недругов, адмирал пользовался ей и в прежние годы, вот только появляющиеся в ее стенах женщины сменяли друг друга.

Кортеж Хусейна состоял всего из двух машин – его джипа и автомобиля с охраной. Адмирал вышел после конференции во внутренний дворик отеля. Двое его охранников сидели на невысоких табуретах в тенике и играли в нарды, поставив доску на перевернутый деревянный ящик. Шофер адмирала дремал, положив голову на руль. Картинка была бы вполне мирной, если бы не прислоненные к стене автоматы. В другое время Хусейн устроил бы разнос подчиненным, не вскочившим при его появлении. Но теперь адмирал являлся заложником ситуации, которую он сам себе создал. От всего его прежнего блеска остались только погоны, белоснежная парадная форма да флотская выправка. Ни одного корабля, ни одного моряка в его распоряжении не имелось. Даже охрана просто была к нему приставлена и напрямую адмиралу не подчинялась.

Водитель поднял голову, протер заспанные глаза и посмотрел на адмирала без всякого почтения. Хусейн сел на заднее сиденье и приказал ехать к казармам. Автомобиль с охраной выехал со двора первым, джип за ним. Хусейн по дороге нервно косился на спокойно разгуливающих по городу вооруженных людей. Каждый из них мог оказаться подосланным убийцей.

За стеклами проплывали один квартал за другим, в перспективе улицы уже блестело, переливалось на солнце море. Исмаиль расслабил узел галстука, глубоко вздохнул и подумал, что неплохо бы было по приезду послать водителя за итальянкой, чтобы привез ее в Латакию. Пока женщина приедет, он успеет принять душ. Ну а потом можно будет и хорошенько расслабиться.

Машина свернула на улицу, идущую вдоль моря, впереди уже вырисовывались мрачные здания флотских казарм. Проезжую часть перекрывало невысокое ленточное ограждение, выставленное возле открытого люка, и знак объезда. Водитель автомобиля с охраной притормозил, пропуская встречную машину. Из открытого люка показался рабочий в оранжевой спецовке и строительной каске, он вскинул автомат и дал длинную очередь по машине с охраной. Посыпалось лобовое стекло. Водитель адмирала истерично выкручивал руль, чтобы развернуться, когда же ему наконец это удалось, то впереди по улице открылся другой люк. Хусейн еле успел пригнуться. Очередь разнесла лобовое стекло, водитель упал с простреленной голо-

вой на руль, протяжно загудел клаксон. Адмирал пугливо жался в пол, краем глаза наблюдая за тем, как его охрана ведет перестрелку с «рабочими» в спецовках. Исмаиль вытащил пистолет из кобуры, приподнялся и пару раз выстрелил в противника, попытавшегося выбраться из люка. Попасть не попал, но заставил того вернуться на прежнюю позицию. Хусейн лихо радочно прикидывал, что ему предпринять, он не сомневался, что его атакowali представители спецслужб Асада, посланные с целью примерно наказать предателя. Двигатель продолжал работать, Исмаиль почувствовал соблазн сесть за руль и вдавить газ. Его охранники прятались за своей машиной, вели стрельбу. Адмирал еще раз выстрелил, приподнявшись над спинкой водительского сиденья, улучив момент, распахнул дверцу и вытолкнул из машины мертвого водителя, протиснулся между сиденьями и сжался под приборной панелью. Прозвучала короткая очередь, противно зашипело простреленное колесо, фонтаном брызнула вода из радиатора. А вскоре Хусейн почувствовал сильный запах бензина, вытекающего из пробитого бака на разогретый солнцем асфальт. Достаточно было бы одной искры, высеченной пулей, чтобы пары вспыхнули. Перспектива сгореть заживо в машине показалась адмиралу не лучшей из возможных, но и оказаться с одним пистолетом в руках на проезжей части было бы безумием.

Перестрелка тем временем продолжалась. Один из охранников Исмаиля был ранен, он прижимал кровоточащую руку к животу и стрелял с левой. И тут из боковой улицы выкатил, резко развернулся джип, за рулем сидел бородач в солнцезащитных очках, задняя дверца поднялась, за ней показался бритый наголо, крепко сложенный мужчина, он вскинул автомат и стал поливать огнем ближайшего стрелка из люка, тот тут же исчез под землей.

– Господин адмирал! – закричал лысый. – Садитесь к нам, мы вас выведем в безопасное место.

Исмаиль не знал этих людей, но предложение было сделано вовремя. Он выкатился из машины на асфальт, вскочил и запрыгнул в багажное отделение джипа. Лысый тут же опустил дверцу, мотор взревел, и автомобиль понесся по узкой улице.

Раненый охранник положил автомат на асфальт, здоровой рукой отсоединил рожок и прищелкнул новый. Из люка полетела граната. От ее взрыва полыхнули обе машины – и охранников, и адмиральская. Одному охраннику не повезло, осколок вошел в шею, перебив сонную артерию. Кровь вылетала из раны тугой пульсирующей струей. Второй охранник тряхнул головой, а когда вскинул автомат вновь, то оказалось, что стрелять уже не в кого. Оба стрелка в спецовках успели задвинуть люки и скрыться под землей. Телохранитель, прикрываясь рукой от жара, бросился к ближайшему люку, инструмента под рукой не оказалось, а потому он принялся поддевать крышку стволом автомата, но тщетно. Нападавшие побеспокоились о том, чтобы перекрыть преследователям путь, заранее оборудовав люки изнутри запорами. Телохранитель спохватился. Во время перестрелки он краем глаза отметил подъехавший джип и метнувшегося к нему Хусейна. В памяти даже всплыл крик: «Господин адмирал! Садитесь к нам, мы вас выведем в безопасное место».

Охранник вытащил мобильник, набрал номер, телефон адмирала оказался отключенным...

...Исмаиль пока еще не совсем пришел в себя. В паре кварталов у него за спиной громынуло.

– Бой продолжается. Гранаты в ход пошли, – отметил бородач, проходя на большой скорости поворот.

– Они вас по мобильнику вычислили, – многозначительно произнес лысый. – Надо отключить.

Хусейн вынул мобильник из кармана и сам отключил телефон.

– Теперь порядок. Они нас больше не найдут, – заговорщицки проговорил лысый.

– Кто вы такие? – спросил Исмаиль.

Лысый загадочно улыбнулся.

– Свои. Вы же не сомневаетесь, что наше командование отслеживает каждый ваш шаг. Они вам еще не до конца доверяют, да и покушения на вас – это реальность. Хорошо, что мы от самого «Сильвер Плаза» вас вели. Мы завезем вас на виллу. Там вы окажетесь в полной безопасности, господин адмирал.

– Вы останетесь меня охранять? – обеспокоенно спросил Хусейн.

– Там видно будет. Посмотрим, какие указания мы получим. – Бородач произнес это не оборачиваясь.

Свою машину он вел по городу мастерски, перекрестки проходил, не сбавляя скорости. Вскоре за стеклами уже проносились сельские пейзажи. Поля, горы, справа синело море. Адмирал похлопал себя по карманам и понял, что во время покушения обронил сигареты.

– У вас не найдется закурить? – спросил он.

Бородач, вновь не оборачиваясь, подал через плечо пачку сигарет, а лысый протянул зажигалку.

– Наверное, вы привыкли курить что-нибудь подороже, – усмехнулся он, – но это все, что мы можем вам предложить в сложившихся обстоятельствах.

Адмирал сунул сигарету в рот и по флотской привычке прикрыл язычок пламени ладонью. В этот момент лысый ловко защелкнул на его запястьях наручники, после чего локтем врезал по почкам и выхватил из кобуры адмирала пистолет. Хусейн застонал, только что прикуренная сигарета упала на коврик. Лысый тут же затоптал ее.

– Попался, предатель, – радостно проговорил он и не отказал себе в удовольствии снова ударить локтем, на этот раз по ребрам. – Доставим тебя в Дамаск, предстанешь перед трибуналом. Мы за тобой уже вторую неделю охотимся.

Адмирал не сомневался, что это не розыгрыш, не проверка его лояльности со стороны повстанцев. Он сразу же поверил, что его выкрали сирийские спецслужбы для показательного процесса в столице.

– Я вам заплачу. Вы получите большие деньги, – пообещал он.

– Стой! – Лысый хлопнул бородача по плечу.

Машина остановилась, подняв на проселке облако пыли. Лысый распахнул дверцу, вышвырнул адмирала в его белоснежном кителе на сухую пыльную землю.

– Значит, ты деньги нам предлагаешь, – прошипел он. – Выходит, правду говорят, что ты в четыре руки крал?

– Ложь, все ложь, – прохрипел адмирал. – Ваш режим обречен! На Асаде море крови.

Хусейн попытался подняться, но лысый тут же ударил ему ногой в грудь, повалил на землю.

– Топор сюда неси! – крикнул он водителю. – Руки вору отрубить надо.

– Я заплачу, – валяясь в ногах у лысого, взмолился адмирал.

– Твое счастье, что Сирия светская страна, иначе бы тебе быстренько руки отрубили по законам шариата. – Лысый плюнул в пыль, несколько раз, но уже несильно ударил Исмаиля ногой и поднял за шиворот. – Была б моя воля, я б тебя прямо здесь и кончил, бросил бы у дороги, как падаль, на растерзание одичавшим собакам. Их много теперь по дорогам бегают. Но мне тебя еще в Дамаск доставить надо.

Бородач держал заднюю дверцу поднятой, лысый затолкал адмирала в багажный отсек.

– Поехали.

Хусейн трясся на жестком полу. Бородач специально наезжал на камни, бросал машину в выбоины. Об адмирале похитившие его говорили как о неодушевленном предмете. Исмаиль даже не рисковал задавать им вопросы и делать предложения, с него хватило всего лишь одной попытки подкупить представителей спецслужб. Оставалось только надеяться, что вскоре ему придется столкнуться с более сговорчивой публикой. Однако, судя по разговору, надежд на это имелось мало. План похищения Хусейна был разработан досконально. Нападение в Лата-

кии являлось всего лишь маскировкой, убивать его в городе не собирались. Главной целью было взять его живым и устроить над предателем показательный суд в Дамаске, чтобы другие высокопоставленные военные десять раз подумали, прежде чем переметнуться к повстанцам. Теперь Иismaиля везли на его приморскую виллу, куда вскорости должен был прибыть катер сирийских военно-морских сил, чтобы забрать пленника к себе на борт. Так что шансов на спасение не просматривалось. Единственное, похитители не знали о квартирантке-итальянке – но что это могло изменить в сложившейся ситуации?

Джип скатился с горы и остановился у ворот виллы, на стене ограды виднелся датчик дистанционного управления.

– Где пульт? – перегнулся через спинку сиденья и уставился холодным взглядом в глаза Иismaиля лысый спецслужбист.

– У меня руки скованы, не могу из кармана достать. Снимите наручники, – обмирая от собственной наглости, попросил Хусейн.

– Мне тебя за ноги подвесить, чтобы пульт сам собой выпал? – поинтересовался бородач, по тону стало понятно, что это не просто игровая манера вести разговор, еще немного поупираешься – и подвешат за ноги на фонарном кронштейне над воротами.

– Во внутреннем кармане кителя, – выдавил из себя адмирал.

– Так-то лучше, – ослабил лысый и запустил пятерню Хусейну за пазуху.

Небольшой брелок с кнопкой болтался на связке ключей.

– В доме кто-нибудь есть? – спросил бородач, поглаживая приклад автомата на соседнем сиденье.

– Нет, – вырвалось у адмирала прежде, чем он успел толком подумать.

Это был невольный обман, сделанный «на автомате». Ведь адмирал понимал, что похитителей интересует наличие охраны на вилле, а свою любовницу-итальянку Марию он скорее воспринимал как часть дорогой обстановки в доме. Пискнул электронный брелок, роллеты на въезде зашуршали, пошли вверх. Джип въехал во двор, нагло подкатил к самому крыльцу старого особняка, построенного в колониальном стиле. Лысый неторопливо выбрался из машины, поднял заднюю дверцу и, схватив адмирала за шиворот, потянул на себя. Хусейн не успел опустить ноги на землю, упал. Лысый хохотнул и бросил:

– Поднимайся. Покажешь, где тут у тебя холодильник. В горле пересохло.

Хусейн стал сперва на колени, потом осторожно поднялся на ноги. Но бородач не стал утруждать себя подбором ключей из связки с брелоком, он локтем выбил стекло в дверном переплете, просунул руку и повернул головку замка.

– Дом проверь, – посоветовал более осторожный, чем его напарник, лысый.

– Чем и занимаюсь, – хмыкнул бородач и двинулся внутрь здания, поводя перед собой стволом автомата, он был настроен стрелять на первое же движение.

Лысый указал стволом на террасу, мол, следует пройти туда. Адмирал нехотя повиновался. Он чувствовал себя ужасно, болели побитые места, в горле давно пересохло, на зубах скрипел песок, но самым неприятным было ощущать абсолютную незащищенность в собственном доме, где Иismaиль привык чувствовать себя полновластным хозяином. А теперь тут распорядились двое каких-то уродов-спецслужбистов, возомнивших себя черт знает кем.

– Садись, – приказал лысый, показывая на плетеное ротанговое кресло у легкого бамбукового столика.

Адмирал присел на краешек, положил перед собой скованные руки. Лысый скалил зубы.

– Не таким ты представлял свой конец? – проговорил он. – Думал небось, что тебе удалось вывернуться? А тут мы. Ты как последний дурак попался. «Быстрее к нам, господин адмирал, мы вас выведем в безопасное место!» И раскни мозгами, если они у тебя есть, мы же ни словом тебя не обманули. Вывезли в безопасное место, только не уточнили, для кого оно безопасное: для нас или для тебя! – Лысый хохотнул.

– У меня много денег. Я расплачусь с тобой, если ты меня освободишь, замолвлю за тебя словечко перед повстанцами, они простят тебе твоё прошлое. Профессионалы нужны и им. Станешь богат, тебе не придется больше бегать, выполняя чужие приказы. Поверь, так станет для всех лучше. Асад долго не протянет. Ты мне кажешься более сообразительным, чем твой напарник.

– Почему ты мне одному предлагаешь? – прищурился лысый.

– Потому, что мы сейчас с тобой вдвоем разговариваем, – выразительно покосился на автомат адмирал, мол, напарника всегда пришить можно, чтобы не делиться деньгами.

Предложение адмирала имело практический смысл. С одной стороны, делиться не придется, с другой – бонус перед повстанцами, лояльность будет доказана. Но вопреки ожиданиям лысый отрицательно покрутил головой.

– Нам за тебя и в Дамаске неплохо заплатят, – заявил он. – Не старайся, я не предаю своих.

– Такой идейный?

– Нет, но у меня в столице семья осталась: родители, жена и дети. Я им зла не желаю.

– Логично, – упавшим голосом произнес Хусейн. – Но можно же что-то придумать? Должен же быть из всего этого выход? Мы с вами цивилизованные люди, а не разбойники.

– Никакого альтернативного выхода в твоей ситуации не просматривается. Скоро придет за тобой катер, и тогда тебе останется только молиться.

Адмирал вглядывался в море, пытаясь рассмотреть в нем приближающуюся в образе военного катера смерть.

Молодая итальянка, лишь только у ворот виллы показался незнакомый ей джип, забеспокоилась. Адмирал неизменно приезжал на одной и той же машине, к тому же он раньше позвонил ей и сообщил, что ночевать станет в городе. Мария быстро закрыла дверь дома и поднялась на второй этаж, откуда, спрятавшись за занавеску, стала наблюдать за двором. Увиденное заставило ее испуганно вскрикнуть. Двое вооруженных автоматами неизвестных ввели скованного наручниками адмирала в дом. Арабский язык итальянка, промышляющая продажей своего молодого тела, знала лишь в пределах, необходимых для удовлетворения сексуальных прихотей Исмаиля, а потому и лексический запас у нее был специфический. Однако о намерениях лысого и бородача несложно было догадаться. Мария металась по этажу, прислушивалась к шагам бородача, методически обыскивающего виллу. И вот шаги уже послышались на лестнице, ведущей на второй этаж.

Бородач поднялся на площадку, прищурившись, глянул в глубь коридора, оценивая возможную опасность. Его напрягла приоткрытая внутрь комнаты дверь, за ней вполне мог укрыться противник. Осторожно, приставными шагами он приближался, по дороге заглядывая в другие комнаты – повсюду было пусто, пыль золотилась в солнечных лучах, пробивавшихся сквозь деревянные жалюзи и зазоры между занавесками. Бородач спинным мозгом ощущал присутствие еще кого-то в доме, кроме него самого, лысого и адмирала-пленника. Подобные предчувствия его никогда не подводили.

Он сделал резкое движение, буквально перепрыгнул участок коридора перед приоткрытой дверью и тут же ударил в нее ногой. Дверное полотно распахнулось, звучно врезалось в стену, посыпалась сбитая ручкой штукатурка. И в этот же момент качнулась, стала извиваться штора на окне, за ней однозначно кто-то прятался, а звук удара испугал его. Бородач не любил ждать, никогда не рассуждал, стоит ли нажать на спусковой крючок, предпочитал стрелять первым. Возможно, только поэтому и был еще жив. Грохотнула очередь. Она прошла тяжелую штору сверху донизу, оставив в расшитой золотыми нитями материи рваные дырки. За шторой прозвучал странный писк, послышалось царапание и на пол упала простреленная в двух местах пушистая кошка.

Бородач с досадой сплюнул себе под ноги. Такой прокол случился впервые в его практике. Он услышал, как с первого этажа бежит по лестнице напарник. Бородачу не хотелось предстать

в его глазах простофилей, убившим домашнюю кошку. Он вышел в коридор. Лысый смотрел на напарника тревожно, автомат держал наготове.

– Что случилось? – спросил лысый и глянул через окно на террасу, не попытался ли смыться предоставленный сам себе адмирал.

Хусейн сидел в ротанговом кресле и продолжал смотреть на море.

– Ерунда. Просто показалось, – отмахнулся бородач. – Ветер шторму качнул. Вот и пере-страховался. Пошли, здесь чисто.

Мария в распахнутом халате лежала под широкой кроватью, прижавшись к покрытому пылью полу голым телом, и боялась вздохнуть. Ей казалось, что злодеи слышат, как неровно бьется ее сердце. В носу щекотало, хотелось чихнуть. Неподалеку от итальянки еще дергалась в конвульсиях застреленная кошка. Одна из гильз закатилась под кровать, и молодой женщине пришла в голову мысль, что злодей захочет поднять ее. Нагнется, заглянет под матрас, и тогда – конец. В лучшем случае изнасилуют, в худшем – после еще и пристрелят. Мария зажмурилась. Дверь скрипнула, и она услышала удаляющиеся шаги. Теперь можно было и вздохнуть.

Бородач с лысым вышли на террасу. Адмирал уже не сидел, он стоял у поручней балюстрады.

– Если надумал прыгнуть вниз головой, то насмерть не разобьешься, – заверил его лысый, выражаясь в своем мрачном юморном стиле. – Только шею себе свернешь. Придется на суд тебя в инвалидной коляске вывозить. Садись в кресло, нечего расхаживать.

Хусейн шумно выдохнул, он уже более-менее смирился со своим новым положением. Местность вокруг была открытой, далеко не убежишь, особенно со скованными руками. Догонят в три счета и потом станут долго бить, катая по земле ногами.

Бородач поставил на стол большую бутылку с минеральной водой – холодной, только из холодильника, ее укрывал матовый конденсат. Открутив пробку, он припал к горлышку, сделал несколько жадных глотков, затем протянул лысому, тот тоже попил и предложил адмиралу:

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.